

Госпожа Ха Дон, наблюдавшая за происходящим, высморкалась в фартук, а Док Сан вытерла слезы своей лентой. "Вот счастливица, испортила себе макияж, несмотря на всю эту суету..." Когда Док Сан узнала, что менеджер ее дочери насильно обыскал ее в офисе, пока она не осталась голой, когда автобус вернулся на склад, она закричала. Хотя ее сердце разрывалось на части, у нее не было сил остановить дочь от работы. У них не было ни кусочка земли. Если она перестанет работать, как они смогут выжить и оплатить больничные счета мужа? После приезда Му Ссанга их мрачная семья стала светлой. Ее муж, который уже несколько лет был прикован к постели, смог встать. Они могли работать на земле старого Чжин Бо, не платя за аренду. Они просили дочь перестать работать кондуктором в автобусе, но дочь отказалась. Она упорствовала до тех пор, пока не упала с платформы и не сломала ногу, задремав. Компания не взяла на себя никакой ответственности. Они сказали, что, поскольку это была ее ошибка, они не могут оплатить ее лечение в больнице. В итоге им пришлось использовать деньги, которые Кён Сун накопила, чтобы оплатить ее лечение в больнице. Ее травмированная нога зажила, но вот плата за прием, которую нужно было сразу же заплатить, стала проблемой. В памяти всплыло несколько воспоминаний. "Эй, сестренка!" "Да!" "Возьми это". Ха Дон Дэк протянул ей банковскую книжку и печать. "Что это?" "Это счет Санг Чхоля, который он доверил мне. Он хочет, чтобы ты использовала его для оплаты школы Чжум Сун". "Что?" Глаза Док Сана расширились, как у коровы. Что это была за история о быке, бьющем в лоб? "Это не бесплатно. Он сказал, что сумма должна быть компенсирована, так как она будет взята в долг, когда Чжум Сун закончит школу." "Правда?" "Тебя что, всю жизнь дурили? Там даже проценты есть. Он сказал, что хочет, чтобы ты поздравлял могилу старого Чжин Бо с соджу каждый дэборум[1] и восьмой месяц. Ссанг часто бывает за границей.

"Уххх, сестренка!" Деок Сан прижалась к Ха Дон Дэку, плача. Ее дочь должна была ударить по железной плите и кричать "Хорошо", в то время как все дети ее возраста шли в школу, неся свои школьные сумки. У нее болело сердце, потому что ее дочь так и не смогла сесть в автобус. "Почему ты плачешь по мне? Поблаговари вместо этого Ссанг". "Конечно, я должна. Для молодого человека я не знаю, как он может быть таким внимательным". "Он сын Чон Му, не так ли? Ты же знаешь, какая она добросердечная. Уууу", - глубоко вздохнул Ха Донг. От одной мысли о Чон Му у нее болело сердце. Ее сын вырос таким замечательным человеком, но куда исчезла эта женщина! "Эй, Чжум Сун, соплячка, оппа твой? Почему ты цепляешься за него?". Кье Сун и Мал Сун бросились к нему и оттащили Чжум Сун за одежду подальше от него. На лице Му Ссанга появилась улыбка. Это был тот самый эффект рычага, о котором говорилось в Книге Перемен: "В трудные времена нужно быть строже к себе". Семья Сам Чхоль аджосси попала в яму нищеты, но сумела выбраться из нее, как только появилась точка опоры. Это произошло благодаря его здоровой семье. Здоровая семья развивала свои силы, пока существовал путь к спасению. Му Санг никогда не проявлял сочувствия к уличным нищим. На улицах Парижа тоже было много нищих. Тех, кого называли "нищими", можно было встретить не только в парках и на вокзалах, но и на Елисейских полях, на бульваре Хауссманн, где располагались туристические отели, вокруг роскошных магазинов на Елисейских полях и на авеню Монтень. Му Ссанг никогда не бросал монету этим нищим. Те, кто не работал, не заслуживали еды. Рабочих рук в Париже не хватало до такой степени, что если бы не турки, ратуша была бы завалена мусором, а Сена наполнилась бы отбросами. Во всей Европе страной с наибольшим количеством нелегальных иммигрантов и лиц, ищущих убежища, была Франция.

Это было потому, что они были довольно терпимы к прогрессивной иммиграционной политике и нелегальным иммигрантам. Они говорили, что это потому, что они ценят права и свободу человека, но на самом деле это было потому, что они требовали, чтобы люди занимались ручным трудом. Парижские нищие могли найти работу, когда захотят. Они могли получить работу немедленно, если обращались в центр занятости, которым руководило Бюро политики занятости. Если им не нравилась работа, они могли подать заявление еще раз, до трех раз. Тем

не менее, нищие не могли отказаться от привычек нищих, которые они приобрели. У него не было причин оглядываться на тех, кто отказывался, когда им представлялась возможность. Еще забавнее было то, что большинство парижских нищих разводили собак как средство ведения своего бизнеса. Это никогда не была большая собака, а щенок. Их бизнес-стратегия включала в себя пухлого молодого щенка, большой бумажный стакан или помятую серебряную тарелку, а также грязную фетровую шляпу или котелок. У этих попрошаек были причины заводить собак. Во-первых, это было желание избежать штрафа. Во Франции тех, кто бросал своих питомцев, ждало суровое наказание. Полиция должна была взять на себя ответственность за собак, если хотела арестовать попрошаек. Взять на себя ответственность за собак было сложно, и если бы во время ареста распространились слухи о жестоком обращении с собаками, полиция оказалась бы в затруднительном положении. Конечно, аресты становились все реже. Во-вторых, в холодную погоду собаки заменяли обогреватель. Обнимая собак утром и вечером в зимнее время, их превращали в полезный биообогреватель. В-третьих, когда безработный заводил собаку, региональное отделение предоставляло субсидии на содержание животных. Эти деньги, нет, деньги собаки становились их деньгами. Наконец, их использовали для усиления сочувствия. Сострадательные люди беспокоились, не уморят ли эти нищие голодом своих собак. Они давали нищим деньги, чтобы те могли купить корм для собак. Нищие в Париже, по сути, занимались бизнесом.

Парижские нищие, жившие за счет денег, которые прохожие бросали в их фетровые шляпы, вряд ли прекратят свой бизнес. Му Ссанг называл этих нищих "бизнесменами без услуг". Когда он был маленьким, его мать предлагала еду заезжим нищим, но отец сказал, что заплатит им, если они помогут ему засеять ферму или выдернуть лук. И все же не нашлось ни одного нищего, который согласился бы работать и получать деньги. Его отец не сдвинулся с места, несмотря на ругань матери. Ссанг, самые плохие негодяи в мире - воры, а самые жалкие люди в мире - нищие. Ублюдки, которые пытаются набить свой желудок, не работая, - это ублюдки с гнилым умом. Если ваш разум прогнил, то, каким бы здоровым вы ни были, вы станете бесполезным человеком. От своего отца он узнал, что в мире нет ничего бесплатного. Причиной такой ненависти Му Ссанга к вольноотпущенникам были и бесчисленные нищие, которых он видел в юности. Они могли быть только нищими и никем больше. "Аджосси, ты счастлив?" спросил Му Ссанг ни с того ни с сего. "Конечно, я счастлив. Я чувствую, что наконец-то живу сегодняшней жизнью". На лице Сам Чхоль аджосси зажглась улыбка. "Почему ты счастлив? Аджосси, тебе приходится полагаться на трость и у тебя нет никаких сбережений". "Посмотри, как смеются мои дочери. Черт, ты даже не представляешь, как я счастлив. Раньше я был парализован из-за сломанной спины, но теперь я могу ходить, у меня есть земля, на которой я могу работать, и дочь, которая в следующем году пойдет в школу. Этого достаточно, чтобы быть счастливым. Разве счастье не определяется тем, как многого ты можешь достичь, не полагаясь на других, кроме себя?". Уголки рта Му Ссана скривились. Счастье - это условие человеческого бытия! Счастье - это не вопрос "где", а "как". Счастье было очень субъективной концепцией самореализации. Если бы человек искал счастье, опираясь на мнение других, он был бы подобен синей птице, ищущей счастья до самой смерти.

Если он смотрел на свою жизнь субъективно, то положительное удовлетворение, называемое счастьем, уже было внутри него. Сам Чул аджосси, ставший инвалидом из-за ноги, на вопрос о том, что определяет счастье, ответил "как". Счастье не было игрой с нулевой суммой под названием "твоя печаль - мое счастье". Это была игра в пирог, в которой каждый участник должен быть счастлив. Если пирог увеличивался в размерах, то увеличивалась и доля каждого. Счастье было побочным продуктом, полученным в результате усилий человека по сохранению существования и жизни. В итоге логика жить, чтобы быть счастливым, была неправильной, а логика быть счастливым, чтобы жить, была правильной. В конце концов, сострадательное сердце Му Ссанга к другим стало его формой счастья. Му Санг внезапно почувствовал, что у

него наступило пробуждение. Вместо того чтобы беспокоиться о будущем, он почувствовал счастье от того, что живет в настоящем. Один из вопросов, над которым он постоянно размышлял, наконец-то получил ответ. Чжин Сун повела своих братьев и сестер в храм, чтобы начать масштабную уборку храма и боковых зданий. Прежде чем начать мероприятие, нужно было быстро навести порядок. "Ён Сун, возьми с собой Джум Сун и вынеси все белье. Гье Сун, ты возьми веник, У Сун, возьми тряпку, а Кён Сун и Мал Сун, отправляйтесь в главную молитвенную комнату. Нам нужно быстро убраться и подготовиться". Она деловито приказала своим братьям и сестрам, словно офицер-ветеран на поле боя. Когда семь девушек начали передвигаться, мирный храм вскоре превратился в базар. "Сестра, ты действительно хорошо воспитала своих пятерых дочерей. Когда в следующем году Гье Сун поступит в колледж, у тебя будет три студентки. Боже, ты единственная в деревне Джипун, кто успешно отправил своих детей в университет. Это все благодаря удаче, которую вы накопили". "Университет невозможен для человека с моими способностями. Это все из-за Ссанга. Какой удачи? Я ничего не сделал..." Ха Донг смутился от похвалы Док Сана. "Когда господин

Пак объединился с Ин Донгами[3], чтобы задавить Чон Му, и только вы и ваш муж пытались что-то предпринять. Я ничего не могла сказать, потому что боялась, что надо мной будут издеваться. Мне очень стыдно перед Ссанг. Если бы мне было хоть немного не все равно, госпожа Чон Му не убежала бы. Мы все в одинаково трудной ситуации, я понятия не имею, почему они так поступили... Ин Донги однажды получают небесную кару". "Это все в прошлом. Госпожа Чон Му будет счастлива, ведь Ссанг вырос таким хорошим. Мы должны делать всю тяжелую работу. Эти детишки должны жить лучше нас". Ха Донг уставился на болтающих детей. "Конечно. Мы не возражаем против страданий, лишь бы наши дети жили лучше". "Это правда. Чжин Сун попросил меня приготовить несколько блюд. Пойдем, сделаем чон, испечем бобы или приготовим фрукты на кухне". "Думаешь, будет хорошо, если в храме будет пахнуть маслом?" "Вообще-то, так не пойдет. Монаха могут не волновать мирские дела, но мы все равно должны придерживаться правил". "Но Ссанг должен есть много мяса". "Мы можем просто приготовить несколько закусок для мероприятия или съесть что-нибудь из того, что готовят эти отродья. Мы можем поужинать в деревне моста". "А, ты планируешь приготовить суп из морских водорослей и у себя дома?" "Да. Мясо тоже идет в суп из морских водорослей". "Тогда нечего делать. Отдохни, сестренка". Док Сан опустила фартук и вошла в кухню. "Старик, я не смогла найти тех негодяев, которые тебя пытали, потому что уехала за границу. Ты сказал, что тех ублюдков, которые были в отделе военного положения Сабука, звали Ким Ён Но, Ю Ён Чхоль и Чан Гё Чжан, так?" "Боже, племянник, они не полицейские, а правительственные чиновники. Ты же знаешь, какие они гордые. Я все забыл. Племянник, у тебя так много дел. Не обращай внимания на такие вещи". Удивленный, Сам Чхоль аджосси поднял руки и пожал их. Он был простым фермером, который мог жить без законов, но пугался, когда в дело вмешивалась власть правительства.

Это делало возможной диктатуру и позволяло мусорам использовать свою умеренную власть в качестве палок для битья. "Хаха, хорошо." Он ответил, чтобы пережить переживания этого человека, но он все еще чувствовал себя неудовлетворенным. Палка, избивающая гражданских под видом правительственного долга, и чиновники, привыкшие к взяткам и выгоде - все это он испытал на себе. Ему хотелось устроить скандал, но это был не Сахель. В Сахеле его не поймали бы, даже если бы он все перевернул, но в Корее было много препятствий. Там были Ха Донг, его мать, старшие в деревне Аччим и Мина. Если возможно, он хотел жить спокойно, как Му Ссанг, а не как Черная Мамба. Выбора нет, если ветер продолжает трепать ветви. Его рот расплылся в холодной улыбке. Хотя он не мог перевернуть все вокруг, он не собирался упускать из виду груды камней перед собой. Это было то время года, когда световой день был самым коротким. Внезапно наступили сумерки. Столы были приготовлены в боковом здании. Все стены были покрыты баннерами и украшениями, которые принесли девушки. Они даже

приготовили четырехъярусный торт и мини-фейерверк. В уголке ее глаза появилась слеза. Хотя она и была беспомощной в молодости, ее все равно расстраивало, что ее оппа не может жить для себя. "Унни, я закончила. Приведи оппу сюда". Ён Сун вытолкнула Чжин Сун на улицу. Чжин Сун направилась к камню для медитации. Как она и предполагала, оппа сидел на камне, как неподвижный предмет. На его голове и плечах скопился снег. Чжин Сун не решалась позвать его. Ее оппа, который в данный момент медитировал, выглядел как потусторонний человек. "Оппа!" Глаза Му Ссана вспыхнули. Снег, скопившийся на его голове и плечах, рассыпался сам собой. "Ужин готов?" Она не видела, как он двигался, но слышала его слова, как будто он был рядом с ней. Чжин Сун даже не удивилась. Монах и оппа были людьми с загадочными способностями.

"Мм, ты думал о тетушке?". "Хм!" "С ней все будет хорошо. Дедушка монах сказал тебе не волноваться, не так ли?" "Конечно, с ней все будет хорошо. А если нет..." Глаза Му Ссана засветились красным. Чжин Сун крепко схватил Му Ссана за руки. "Оппа, раз уж твои экзамены закончились, я тоже помогу тебе". "Я думаю о нескольких способах". "Подумай о них позже и позаботься о себе. Аджосси и мама ждут тебя". "Правда? Давай поторопимся. У меня такое чувство, что спина упирается в живот". "В голубой воде реки Думан... Хик!" Санг Чхоль, совершенно пьяный, вышел из деревни Ёнжок. Его друг, который поздно вато женился, устроил вечеринку в честь 100-дневного юбилея своей дочери. Последствия употребления нескольких бутылок пива "Кумбокджу" и пива медленно переползали на него. Санг Чхоль, который радостно пел, внезапно остановился. "Что делают эти негодяи?". Он увидел пять теней, поднимающихся на гору под лунным светом. "Какие странные негодяи. Они что, собираются продавать травы, карабкаясь посреди ночи?" Санг Чхоль наклонил голову и продолжил свой путь. Лазают ли другие по ночам по горам или ковыряются в ушах шестом, его не волновало. "Снова и снова трупы наших товарищей... Мои товарищи, упавшие, как лепестки, я прощаюсь с вами...". За углом горы продолжала звучать военная песня, не в такт и не в такт. Примечание переводчика: В Корее людей, живущих в сельской местности, называют по месту рождения. "Ха Дон" и "Деок Сан" - это названия деревень, где родились персонажи, а не их имена. Например, сестер Сун нельзя называть "госпожа Деок Сан", поскольку они родились на мосту Джипун. Их следует называть "мисс Джипун". Например, если вы родились в Вашингтоне, вас будут называть "миссис из Вашингтона" или "миссис Вашингтон". [1] Дэборум - корейский праздник, который отмечается в первое полнолуние нового года по лунному корейскому календарю.

Это корейская версия Первого фестиваля полнолуния. [2] Название. [3] Название региона, откуда родом банда.

<http://tl.rulate.ru/book/75373/2165476>